

Кафедра дидактики нужна ли при духовных академиях?

Все науки, которые преподаются в духовных семинариях, имѣютъ ученыхъ представителей и в духовныхъ академіяхъ. Для нѣкоторыхъ наукъ семинарскаго курса в академіяхъ имѣется даже по двѣ кафедры; напр. семинарское „руководство для пастырей“ в академіяхъ читается профессорами каноническаго права и пастырскаго богословія. Подъ это общее правило не подходят только математика съ физикой и дидактика. Но мѣста преподавателей физики и математики в семинаріяхъ занимаютъ кандидатами университетовъ. Остается одна дидактика. Эта злополучная дисциплина можетъ быть преподаваема всякимъ, кто получитъ порученіе преподавать ее, безъ всякой предварительной подготовки, если не брать въ расчетъ той подготовки, какая дается в семинаріяхъ. А брать въ расчетъ эту послѣднюю при сужденіи о правоспособности кандидата академіи преподавать дидактику нельзя такъ-же, какъ нельзя считать вообще семинариста правоспособнымъ преподавать предметы семинарскаго курса. И однако практика, повидимому, легко уживается съ отмѣченнымъ неудобствомъ, уживается не только в духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а и в свѣтскихъ: в учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ также преподается дидактика и также людьми, в высшей школѣ, а часто даже и в средней, неизучавшими дидактики. Такая практика по меньшей мѣрѣ говоритъ за то, что дидактика считается плебейскою наукой, которой не должно быть мѣста в сонмѣ аристократокъ, имѣющихъ доступъ во святилища настоящаго знанія, что она представляется собственно выучкой, ремесломъ, а не наукой. Этотъ почтенный взглядъ на дидактику считаетъ за собой сотни лѣтъ существованія, и в этой долговѣчности, кажется, и заключается его глав-

ное оправданіе. Тутъ пахнетъ сѣдой стариной, а извѣстно, какъ сильно и убѣдительно дѣйствуетъ этотъ запахъ. Какъ бы то ни было впрочемъ, но отчисленіе дидактики изъ разряда дисциплинъ, нуждающихся въ настоящемъ ученѣмъ уходѣ, принесло должные результаты. И прежде всего: если не считать два-три исключенія, у насъ до сихъ поръ нѣтъ дидактической литературы. Иной читатель можетъ возмутиться такимъ утвержденіемъ. Какъ нѣтъ дидактической литературы, когда вамъ предлагаютъ сотни методикъ Солопины, Бобровскаго, Ельницкаго, наставленій Ильминскаго и пр. и пр.? Да чуть-ли не каждый день выходятъ книжки, которыя въ своихъ предисловіяхъ угрожаютъ сдѣлать изъ васъ идеальнаго учителя русскаго языка, ариѳметики и пр.! Все это совершенно вѣрно, отвѣтимъ мы, но также вѣрно и то, что литературы по дидактикѣ у насъ нѣтъ. Вообразите себѣ, что у насъ по медицинѣ не издавалось бы ничего, кромѣ всеисцѣляющихъ лѣчебниковъ, „полныхъ школъ здоровья“ и т. д., преподносимыхъ публикѣ фирмами Ступинныхъ, Бриллиантовыхъ и пр. Можно-ли было бы сказать тогда, что у насъ есть медицинская литература? Конечно, нѣтъ. Въ этомъ же смыслѣ у насъ нѣтъ литературы и по дидактикѣ. Если вы возьмете десятокъ разныхъ руководствъ съ громкими многообѣщающими заглавіями, если у васъ хватить терпѣнія пробѣжать въ нихъ по десяти страницъ, то вы сейчасъ же убѣдитесь, что отъ этихъ произведеній даже не пахнетъ наукой. Все это будутъ сборники рецептовъ, продиктованныхъ якобы личнымъ опытомъ составителей. Но вѣдь опытъ безконечно разнообразенъ; отсюда и рецепты для одного и тогоже случая разныхъ авторовъ представляютъ собою просто-напросто кашу. И это еще хорошо, если авторъ, поучая, опирается на свой опытъ и ничего больше. Бываетъ гораздо хуже, если онъ вздумаетъ припустить науки, вознамѣрится подыскать основанія для своихъ рецептовъ въ физиологіи, психологіи, логикѣ, пожелаетъ щегольнуть учеными терминами. Изъ смѣси такой убогой науки съ оборваннымъ опытомъ получается уже нѣчто совсѣмъ неудобоваримое. Если авторъ для большей важности напр. употребитъ термины *синтетическій* и *аналитическій*, то въ восьми случаяхъ изъ десяти онъ назоветъ анализъ синтезомъ и наоборотъ. Къ чести составителей разныхъ руко-

водствѣ надо сказать однако, что такіе случаи заигрыванія съ наукой довольно рѣдки. Авторы предпочитаютъ опираться на *свой* опытъ: это и дешевле и сердитѣе. Сочинивъ какой-либо рецептъ, авторъ обычно иллюстрируетъ его цѣлымъ урокомъ, который излагается въ разговорной формѣ учителя съ учениками. Само собою разумѣется, что никакой критикъ такого рецепта опровергнуть не можетъ: съ опытомъ вѣдь ничего не подѣлаешь. Намъ кажется только, что мысль подчинить *своему личному* опыту опытъ cadaго читателя похожа на мысль хозяина магазина готоваго платья, который всѣ костюмы шилъ бы только по своей уродливой фигурѣ и сталъ бы удивляться, что они то слишкомъ тѣсны, то слишкомъ просторны для его покупателей и во всякомъ случаѣ нигуда не годятся.

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что попытки составителей разныхъ методикъ поучать главнымъ образомъ на основаніи яко-бы своего личнаго опыта, не смотря на сей послѣдній, не застрахованы отъ самыхъ грубыхъ суевѣрій и наивныхъ увлеченій. Между тѣмъ тутъ нѣтъ ничего мудренаго. Вѣдь и въ средѣ тѣхъ лицъ, которыя исцѣляютъ себя и другихъ, руководясь дешевыми лѣчебниками и рецептами, помѣщаемыми въ газетахъ, часто случаются неожиданные повороты отъ однихъ *испытанныхъ* средствъ къ другимъ, также одобреннымъ опытомъ. Извѣстно, съ какимъ рвеніемъ проповѣдуютъ въ наши времена знаменитую *ephedra vulgaris* отставные титулярные совѣтники и штабсъ-капитаны и все на основаніи собственнаго опыта. Нѣчто подобное случилось въ нашей дидактической литературѣ съ звуковымъ способомъ обученія грамотѣ и съ постановкою объяснительнаго чтенія. Читателямъ, имѣвшимъ случай перелистывать методики русскаго языка, конечно, бросалось въ глаза обиліе наставленій, какъ вести объяснительное чтеніе, и поражала скрупулезность, требовавшая цѣлыхъ разсужденій о томъ, какъ дать понять дѣтямъ, что такое пѣтухъ или кошка. Всѣ эти совѣты, конечно, опираются на опытъ. Но читатель былъбы введенъ въ заблужденіе, еслибы повѣрилъ, что вся эта горячка съ объяснительнымъ чтеніемъ вызвана была только опытомъ педагоговъ-составителей методикъ. Дѣло тутъ не въ опытѣ, а въ повѣтріи, похожемъ на повѣтріе съ козьмичевой эфедрой. А повѣтріе

это вышло съ Запада. Нѣкоторые педагоги бывали за границей, особенно въ Германіи, видали тамошнія школы и были поражены тою кропотливостію, съ какой нѣмецкіе учителя разъясняли крошкамъ-тевтонамъ, что такое свинья и что такое поросенокъ. Вообразилось, что въ этой болтовнѣ и кроется источникъ успѣха школъ германскихъ. Привезли эту болтовню въ Россію, разлили ее по методикамъ и разослали по вѣзмъ концамъ. Началось знаменитое объяснительное чтеніе, которое продолжаетъ царить въ школахъ и въ наше время. Оно превратилось просто въ суевѣріе. Такъ случилось, что то, что въ германскихъ школахъ имѣло и имѣетъ смыслъ, у насъ сдѣлалось полубезсмыслицей. Въ Германіи посѣщеніе школы дѣтми начинается гораздо раньше, чѣмъ у насъ. Отсюда приходится чуть не учить ихъ говорить и во всякомъ случаѣ является неизлишнимъ болтать о пустякахъ и болтать какъ можно больше. Въ этой болтовнѣ здѣсь можно отыскать смыслъ. Но практикуемая совершенно на нѣмецкій манеръ въ нашихъ школахъ она наполовину лишается смысла. Учитель средней руки, если онъ имѣетъ претензію учить по модному, если онъ слышанъ о механизмѣ, которымъ-де наша старая школа давила дѣтей, на урокахъ русскаго языка оказывается просто жалокъ. Пишущій эти строки сиживаль по цѣлымъ часамъ на такихъ урокахъ въ образцовой школѣ и удивлялся тому, какъ учитель съ мальчиками, учившимися 4-й годъ, читаль басню „Осель и Соловей“ и объясняль въ теченіе двухъ уроковъ, что такое „защелкаль“, что за птица осель, къ разряду какихъ животныхъ принадлежитъ соловей и т. д. На всѣ вопросы дѣти отвѣчали, конечно, безъ запинки, но за то послѣ такой четырехлѣтней болтовни писали подъ диктовку съ такими ошибками, что стыдно становилось за школу.

Подобное же повѣтріе одолѣло нѣкоторыхъ не въ мѣру ревностныхъ ревнителей церковнаго просвѣщенія. Въ объяснительной запискѣ къ программѣ славянскаго языка школъ церковно-приходскихъ была брошена мысль, что обученіе грамотѣ могло бы идти и старымъ способомъ и что обученіе это желательно было бы начинать съ славянской азбуки. Нашлось и лицо, которое блестяще доказало полную осуществимость этой мысли. Читатель, конечно, догадывается, что мы говоримъ про покойнаго Ильминскаго. Сейчасъ же оказа-

лись подражатели, которые чуть не стали требовать провозглашенія педагогическимъ догматомъ буквосочетательнаго способа и славянской азбуки. Въ этомъ перебѣганіи отъ одной крайности къ другой, въ этомъ стремленіи приспособиться къ тому, что скажутъ и что прикажутъ, кроется немощь дидактики, отсутствіе серьезной научной разработки вопросовъ методики, обнаруживается та анархія мысли при обсужденіи самыхъ элементарныхъ отдѣловъ науки, которая необходимо должна имѣть мѣсто въ каждой отрасли, разработка коей находится въ рукахъ близорукихъ практиковъ и зависитъ отъ микроскопическаго опыта каждаго изъ педагоговъ-авторовъ.

Но что-же для устраненія этого зла можетъ сдѣлать академія, спроситъ читатель. Очень много. Кафедра дидактики одна способна создать науку-дидактику, доселѣ у насъ несуществующую. Здѣсь, на этой кафедрѣ будутъ подводиться итоги всему, до чего доработались лучшіе педагоги Европы и Америки. Здѣсь на служеніе методамъ и приемамъ обученія будутъ привлекаемы подсобные отдѣлы всѣхъ другихъ наукъ. Здѣсь дидактика вырвется изъ удушающихъ ее объятій жалкаго схоластическаго опыта и будетъ расти соками зрѣлой серьезной мысли, упорядочивающей и одухотворяющей мертвящую практику. Здѣсь создается власть, которая водворитъ порядокъ во взглядахъ на методы обученія, которая предотвратитъ повальные и часто непонятныя увлеченія дидактическими погрешками. Сдѣлаетъ все это академія прежде всего чрезъ аудиторію. Ежегодно она будетъ выпускать десятки лицъ съ серьезными, твердыми, научными взглядами по основнымъ вопросамъ дидактики. Чрезъ семинарін эти взгляды будутъ просачиваться дальше.

Но кромѣ аудиторіи питомникомъ научныхъ взглядовъ по методикѣ предметовъ народной школы сдѣлается еще литература. Прежде всего будутъ писать и печатать профессора дидактики. При полномъ почти отсутствіи сколько-нибудь терпимыхъ сочиненій въ этой области каждый и не выдающійся даже профессоръ создастъ себѣ обширную и быструю репутацію даже и немногочисленными трудами. Притомъ вопросы дидактики въ виду ихъ жизненнаго практическаго значенія скорѣе, чѣмъ другіе, просятся на перо. Начнутъ писать загѣмъ и преподаватели дидактики въ духовныхъ се-

минаріяхъ ¹⁾. Теперь они молчатъ за рѣдкими исключеніями, молчатъ именно потому, что не чувствуютъ для писательства въ данной области той власти, которая дается только работой надъ предметомъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, не ощущаютъ той смѣлости, которая присуща хозяину дѣла. Отъ ихъ работъ можно будетъ ждать очень многого. Даже и при теперешнихъ незавидныхъ условіяхъ для ознакомленія съ своей наукой преподаватели дидактики въ духовныхъ семинаріяхъ могли много бы сдѣлать въ интересахъ литературной разработки разныхъ отдѣловъ методики. Ихъ статьи и брошюры во всякомъ случаѣ не были бы той болтовней, которая замѣняетъ теперь литературу по дидактикѣ, и которую разливаетъ широкимъ потокомъ смѣлое, самоувѣренное невѣжество ограниченныхъ практиковъ. Говоримъ это на основаніи своихъ воспоминаній о томъ времени, когда намъ приходилось преподавать дидактику въ одной изъ южныхъ семинарій. Мы сохраняемъ добрую память только о двухъ-трехъ брошюрахъ и книжкахъ, авторы которыхъ окончили курсъ въ духовныхъ академіяхъ. Только въ нихъ мы находили и грамотное изложеніе и заслуживающія вниманія мысли. Только ихъ мы могли рекомендовать для чтенія и воспитанникамъ, что бы не пригнупить у нихъ сразу вкуса къ такому чтенію. Но, повторяемъ, такихъ лицъ съ академическимъ образованіемъ, которыя рѣшаются начать работать по дидактикѣ съ азбуки по своему почину, очень и очень мало. Пополнить ихъ ряды можетъ только кафедре дидактики.

Такъ въ области пріемовъ обученія всеѣмъ приходится бродить ощупью, въ полутьмѣ, потому что нѣтъ для этой области настоящаго источника свѣта. Получается въ результатъ много печатной суеты, которая только увеличиваетъ безтолковую сутолоку практики. Можно быть увѣреннымъ, что все сколько-нибудь искренніе и нервныя работники, стоящіе у великаго дѣла образованія народнаго, чувствуютъ себя отъ этой сутолоки скверно. Но легко понять, что еще хуже эта сутолока отзывается на дѣтяхъ. Вѣдь говоря по правдѣ, наши школьники не имѣютъ доселѣ хорошей книги

---

¹⁾ Возможность писать для преподавателей дидактики въ семинаріяхъ въ настоящее время затрудняется помимо здѣсь указываемыхъ еще и другими условіями, о коихъ мы будемъ говорить въ особой статьѣ.

для чтенія. И не мудрено: написать хорошую книжку для школы, пожалуй, труднѣе, чѣмъ сочинить докторскую диссертацию. Благодаря невѣжеству по основнымъ вопросамъ обученія, эта истина сознается только тѣми, кто не пишетъ такихъ книгъ. Составители же разныхъ „Пчелокъ“, „книжекъ-первинокъ“ и т. д. съ улыбкой по адресу всякихъ сомнѣній и колебаній спиваютъ всякую всячину, которая даетъ хороший доходъ, ибо потребляется въ милліонахъ экземпляровъ для наполненія дѣтскихъ головокъ. И некому почти сказать властнаго, компетентнаго слова о томъ, что можно предложить дѣтямъ, въ какой формѣ и по какому плану. Мы, разумѣется, не думаемъ, что съ появленіемъ кафедры дидактики сразу же появятся и хорошія книжки для школъ. Но мы думаемъ, что съ распространеніемъ здравыхъ дидактическихъ понятій будетъ менѣе шансовъ явиться скверной книжонкѣ и болѣе шансовъ явиться книжкѣ, разумно составленной.

Читатель понимаетъ, конечно, что мы говоримъ о книжкѣ для чтенія только для примѣра. И всѣ учебники для школы нашей фабрикуются при такихъ же условіяхъ и по такимъ же рецептамъ. Оттого они такъ часто мѣняются. И для этой перемѣны большею частію не бываетъ серьезныхъ основаній, кромѣ моды, повѣтрія. И кто можетъ высчитать, сколько дѣтской крови портится, сколько духовной энергіи погашается, благодаря безтолочи, которая царитъ въ области приемовъ приготовленія уместной пищи для нашихъ школьниковъ! Надъ этимъ приготовленіемъ необходимъ надзоръ ученаго врача. А такихъ врачей у насъ нѣтъ. Ихъ замѣняютъ пока знахари.

Все это доктриннерство, подумаетъ иной читатель, ознакомившись съ нашими сѣтованіями. Дѣйствительность не такъ ужъ плачевна, скажетъ онъ, чтобы съ ней нельзя было пока мириться. Съ такимъ читателемъ мы будемъ говорить языкомъ повседневныхъ фактовъ.

Наше общество если и не сознаетъ, то во всякомъ случаѣ инстинктивно чувствуетъ полную необходимость освѣжать головы работниковъ народнаго образованія. Всѣ, кому приходится близко становиться къ дѣтямъ, испытываютъ жуткое чувство при видѣ своего неумѣнья обращаться съ podatливою, хрупкою и чрезвычайно сложной дѣтской нату-

рой. Это чувство если и не всегда понуждаетъ познакомиться съ дѣломъ научно, то создаетъ по крайней мѣрѣ убѣжденіе, что присяжные пѣстуны подростающаго поколѣнія не должны ни на минуту отступать отъ источника педагогической мудрости. И чѣмъ меньше дѣйствительность отвѣчаетъ этимъ требованіямъ общества, тѣмъ эти требованія раздаются настойчивѣе и чаще. Это дѣйствительно любопытный фактъ, что, кажется, ни въ одной заграничной литературѣ не было такъ много писано о качествахъ, потребныхъ народному учителю, какъ у насъ. Отъ плачевной дѣйствительности люди всегда спасаются въ мечтахъ.... Мечты эти, какъ всякія мечты, парятъ слишкомъ высоко надъ великой землей нашей, но онѣ всеже не безплодны. Просачиваясь въ сознаніе сферъ, стоящихъ у дѣла народнаго образованія, онѣ толкаютъ ихъ къ кое-какимъ мѣропріятіямъ, преслѣдующимъ цѣли освѣженія и пополненія запаса педагогическихъ свѣдѣній нашего народнаго учительскаго персонала. Наиболѣе обычнымъ изъ этихъ мѣропріятій являются такъ называемые учительскіе курсы. Устройствомъ ихъ озабочиваются и Министерство Народнаго Просвѣщенія, и земство, и Училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ, и епархіальныя власти. „Народное Образование“ (1897 г. кн. 6), обобщая практику курсовъ въ церковно-школьномъ дѣлѣ, между прочимъ подводитъ такой итогъ, даваемый будто-бы курсами: „учителя и учительницы церковныхъ школъ, пробывъ полтора мѣсяца на курсахъ, возвращаются домой со множествомъ прибрѣтенныхъ полезныхъ знаній и умѣній, ободренные и освѣженные, съ новыми способами и силами на трудное дѣло учительства“. Мы не имѣемъ подъ руками подобнаго же обобщенія для курсовъ учителей школъ земскихъ, но думаемъ, что изъ подъ пера чиновника-специалиста составлять отчеты—вышло бы совершенно такое же заключеніе. Отрицать приведенное обобщеніе мы, конечно, не намѣрены. Мы только желали бы сдѣлать къ нему маленькую поправку, предлагая содержаніе обобщенія считать не *даннымъ*, а *заданнымъ*. Курсы *должны* снабжать учителей „множествомъ полезныхъ знаній и умѣній, ободрять и освѣжать ихъ“, но они не дѣлаютъ этого теперь или дѣлаютъ въ ничтожной степени. Прежде чѣмъ ожидать отъ учительскихъ курсовъ всей пользы, которая бы оплачивала матеріальныя затраты на нихъ, для этого не-

обходимо располагать контингентомъ лицъ, способныхъ руководить курсами. А такихъ лицъ у насъ пока почти нѣтъ. Тутъ нѣтъ ни капли преувеличенія. Посмотрите, что дѣлаютъ земства. Сознвая крайнюю нужду „освѣжить“ своихъ учителей посредствомъ курсовъ, они обычно становятся въ затрудненіе, гдѣ найти „освѣжителей“. Земства основательно не довѣряютъ мѣстнымъ силамъ, потому что эти силы по части „полезныхъ учителю знаній и умѣній“ ничѣмъ себя не заявляютъ. Начинаются поиски „знаменитости“. У насъ есть, дѣйствительно, четыре-пять столичныхъ многоглаголивыхъ многописателей, намозолившихъ всѣмъ глаза своими произведеніями по методикѣ предметовъ народной школы. Они каждое лѣто въ расходѣ. Являясь на курсы, они обыкновенно держатъ длинныя рѣчи предъ смиренными провинціалами, излагаютъ обрывки методовъ, даютъ скверные пробныя уроки, говорятъ предлинныя заключительныя рѣчи на высокія темы и уѣзжаютъ. А учителя и учительницы возвращаются на мѣста утомленные, но съ горделивымъ и вреднымъ сознаніемъ, что они слушали знаменитость. Тѣмъ временемъ устроители курсовъ успокоиваются при сознаніи, что они сдѣлали все, отъ нихъ зависящее, въ интересахъ школьниковъ губерніи или уѣзда.

Съ недавняго времени стали устраиваться курсы и для учителей церковно-приходскихъ школъ. Сначала они появлялись коегдѣ, такъ сказать для пробы, дня выясненія опытомъ ихъ организациіи и задачи. Мысль, съ какой приступали къ устройству этихъ курсовъ, была совсѣмъ крохотная. По словамъ передовой статьи іюньской книжки 1897 г. журнала „Народное Обозрѣніе“, издающагося подъ редакціей члена Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, „церковное пѣніе и славянское чтеніе, просмотрѣнныя нашей педагогической литературой, были положены во главѣ (?) угла вновь созидаемой церковной школы¹⁾. Эти предметы и стали прежде

¹⁾ Мы не знаемъ, кто авторъ цитируемой статьи, но думаемъ, что онъ какъ нибудь соприкасается въ церковно-школьнымъ дѣломъ. Въ такомъ случаѣ ему не мѣшало бы знать, что „главный предметъ церковно-приходскихъ школъ составляетъ Законъ Божій“, и что „всѣ другіе предметы должны быть, по возможности, поставлены отъ него въ болѣе или менѣе тѣсную зависимость“. Стало быть, *во главѣ угла* церковныхъ школъ положены во всякомъ случаѣ не славянское чтеніе и церковное пѣніе. Подоб-

всего преподаваться на лѣтнихъ курсахъ для учителей церковныхъ школъ. Затѣмъ пришлось пересмотрѣть и отбросить тѣ приемы обученія ариѳметики (ариѳметикѣ?) и русскаго языка (русскому языку?), которые были взяты изъ практики нѣмецкихъ школъ и безъ всякаго приспособленія къ потребностямъ народной жизни введены въ наши школы Евтушевскимъ, барономъ Корфомъ, Бунаковымъ и пр.“ Съ этою мыслию, предварявшего появленіе курсовъ для учителей церковныхъ школъ, потомъ пришлось къ счастью разстаться: иначе курсы непременно погубили бы себя въ глазахъ учителей и общества. Говоримъ—погубили бы себя, потому что обучать на курсахъ славянскому чтенію учителей народныхъ школъ дѣло излишнее: это значило бы учить столяра обращаться съ рубанкомъ. Пѣнію на курсахъ обучать, конечно, можно. Но каковы могутъ быть результаты подобнаго обученія въ теченіе одного мѣсяца при массѣ другихъ занятій, ясно для каждаго, кто умѣетъ отличить до отъ ге. Наконецъ, руководителями курсовъ была поставлена отрицательная задача—отбросить методы обученія ариѳметикѣ и русскому языку, пересаженные къ намъ Корфомъ, Евтушевскимъ и пр..... Вотъ они-результаты повѣтрія и моды. Надо „отбросить“ чужое, пока еще не создано ничего своего, отбросить просто потому, что оно чужое. Такіе внезапные повороты могутъ имѣть мѣсто только при отсутствіи здравыхъ научно выработанныхъ дидактическихъ понятій. И вѣдь ничто не ручается, что завтра мы бросимъ свое и вернемся къ оплеванному чужому. Дѣйствуемъ, какъ флюгеры: поворачиваемся во всѣ стороны безъ задержки.

Повторяемъ, къ счастью первоначальная цѣль курсовъ для учителей церковныхъ школъ была оставлена. Въ 1897 г. были организованы въ столицахъ и большихъ губернскихъ городахъ курсы для учителей школъ второклассныхъ, а почти вездѣ въ епархіяхъ курсы для учителей школъ одноклассныхъ уже съ совершенно иными задачами. Около 5,000 учителей были приглашено на эти курсы, около 200,000 р. истрчено на нихъ. Каковы же были ихъ результаты?

ныя искаженія основной цѣли церковныхъ школъ чрезвычайно прискорбны: они даютъ право и поводъ свѣтской печати травить церковно-школьное дѣло, какъ такое, которое гонится за виѣшними, второстепенными результатами,

Обзору этихъ результатовъ на основаніи официальныхъ данныхъ посвящена большая статья г. Вишневскаго въ „Народномъ Образованіи“ за май, іюнь, іюль и августъ текущаго года. Авторъ ея излагаетъ ходъ дѣла на курсахъ въ разныхъ мѣстахъ и дѣлаетъ свои замѣчанія о томъ, чего гдѣ не доставало, гдѣ выполнялась лишняя ненужная работа и пр. Мы не имѣемъ въ виду повторять всѣхъ этихъ замѣчаній: это повело бы насъ слишкомъ далеко. Гораздо скорѣе мы подойдемъ къ своей цѣли путемъ ознакомленія съ точкой зрѣнія на дѣло, стоя на которой г. Вишневскій руководителямъ однихъ курсовъ раздастъ лавры, а другихъ поучаетъ. Какова же эта точка зрѣнія? „Въ системѣ общаго образованія человѣка, говоритъ г. Вишневскій, наука о воспитаніи имѣетъ свое законное мѣсто и свое значеніе. Но, какъ это ни странно можетъ показаться (дѣйствительно, чрезвычайно странно!), эта наука мало имѣетъ значенія для самаго того дѣла, о которомъ она трактуетъ,—для живого дѣла воспитанія. Въ этомъ дѣлѣ, помимо прирожденныхъ особенностей воспитанника и условій окружающей среды, главное значеніе имѣетъ личность самаго воспитателя, его нравственныя качества и спеціальныя педагогическій талантъ. И опытъ (вотъ онъ злодѣй-опытъ, врагъ науки!) показываетъ, что воспитательное вліяніе учителя на ученика бываетъ тѣмъ прочнѣе и благотворнѣе, чѣмъ меньше воспитатель слѣдуетъ предписаніямъ педагогическихъ теорій, чѣмъ чаще онъ руководствуется простыми соображеніями здраваго разума и внушеніями неспорченнаго нравственнаго чувства, чѣмъ больше простоты, искренности, естественности во взаимныхъ отношеніяхъ между воспитателемъ и воспитанникомъ и т. д.“ Впрочемъ, г. Вишневскій, сознавая повидимому парадоксальность этихъ соображеній, сейчасъ же старается огородиться: „изъ сказаннаго не слѣдуетъ дѣлать того заключенія, будто учителямъ совсѣмъ не нужно знакомство съ теоріей воспитанія. Напротивъ, было бы весьма желательно, что бы тѣ учителя, которые не могли изучить этой науки въ школѣ, имѣли возможность восполнить этотъ пробѣлъ въ своемъ образованіи. Но педагогическіе курсы устраиваются хотя и для учителей, но не ради самихъ учителей, а ради ихъ учениковъ. Потому и чтенія на курсахъ слѣдуетъ поставить такъ, чтобы всегда имѣлись въ виду живые деревен-

скіе „ребята“ и „парнишки“, а не отвлеченная схема, подѣленная нѣмецкими педагогами на клѣточки: умъ, воля, чувство; сужденіе, умозаключеніе,... дедукція, индукція,... большая посылка, малая посылка.., и т. д. до безконечности“ (Народное Образованія, 1898 г., кн. 5, стр. 82—83). Не смотря на оговорку, г. Вишневскій остается послѣдовательнымъ: наука о воспитаніи на учительскихъ курсахъ дѣло лишнее: да лишнюю она является и вообще, какъ дисциплина, которая „мало имѣетъ значенія для самаго того дѣла, о которомъ она трактуетъ“.

Г. Вишневскій изливается противъ науки главнымъ образомъ по поводу Харьковскихъ курсовъ для учителей второклассныхъ школъ, гдѣ чтенія по педагогикѣ носили академической характеръ. Почему же такъ случилось, спросить читатель. А вотъ почему. Курсы въ Харьковѣ устраивали—мѣстный преосвященный, у котораго г. Вишневскій многому могъ бы поучиться, ректоръ мѣстной семинаріи, истинный и просвѣщенный любитель церковно-школьнаго дѣла, прекрасно руководившій этимъ дѣломъ около десяти лѣтъ въ Таврической епархіи, и самъ лекторъ по педагогикѣ г. Страховъ—такой лекторъ, какого можно было бы пожелать всѣмъ курсамъ. Вотъ эти три лица и наплыли необходимой ту постановку чтеній, которая выводитъ изъ себя г. Вишневскаго. Критика послѣдняго служитъ лучшей аттестаціей этой постановкѣ. Только подобныя чтенія могутъ „освѣжать“ учителей, а не чтенія по рецептамъ г. Вишневскаго. Судите сами. Говоря о Ставропольскихъ курсахъ, г. Вишневскій утверждаетъ, что на нихъ „въ программу чтеній по методикѣ обученія грамотѣ были включены многіе вопросы, совсѣмъ не имѣющіе отношенія къ этому предмету, которые естественнѣе было бы встрѣтить въ программѣ педагогки (напр. „различныя степени подготовки учителей и учительницъ..... Обязанности учителя относительно школы для начала ученія. Приѣмъ учениковъ. Роль учителя въ приѣмѣ учениковъ. Молебень предъ началомъ ученія и значеніе его въ жизни школы.- О школьной дисциплинѣ“), или же хотя имѣющіе связь съ вопросами обученія грамотѣ, но не могущіе имѣти ближайшаго практическаго приложенія; напримѣръ: „Представители звуковаго метода Стефани и Жакото. Усовершенствованіе звуковаго метода Гразеромъ. Методъ письма-чте-

нія Фогеля и Бэнэ (методъ синкретическій или нормальныхъ словъ). Представители этого метода у насъ на Руси: Паульсонъ, Бунаковъ, Павленковъ. Сложность его и недопримѣнимость въ русской школѣ“ (къ чему же въ такомъ случаѣ и распространятыя о немъ?)“ (Народное Образование 1898 г., кн. 6, стр. 67). Очевидно, г. Вишневскій вопросы общей дидактики, или дидактики въ собственномъ смыслѣ, считаетъ вопросами педагогики. Въ такомъ случаѣ пусть онъ просмотритъ программу дидактики для духовныхъ семинарій и учебникъ г. Миропольскаго прежде, чѣмъ выступать въ роли судьи устроителей курсовъ. Что касается примѣровъ, приводимыхъ г. Вишневскимъ въ доказательство того, что въ Ставрополѣ на курсахъ занимались вопросами, „не могущими имѣть ближайшаго практическаго приложения“, то тутъ по меньшей мѣрѣ какое то недоразумѣніе. Въ Ставрополѣ, очевидно, хотѣли не только ознакомить учителей съ звуковымъ способомъ обученія грамотѣ, но и привести ихъ путемъ изложенія исторіи этого способа къ разумному убѣжденію въ его превосходствѣ надъ другими способами, а между тѣмъ г. Вишневскій, по тому же недоразумѣнію, считаетъ все это излишествомъ и, по видимому, готовъ упростить отношенія руководителей курсовъ и учителей до крайнихъ предѣловъ. Перловъ, подобныхъ указаннымъ, въ статьѣ г. Вишневскаго очень много. Мы приводить ихъ не будемъ, ибо и *ἐκ τού κρακπέδου τὸ ὕψος προέηλον*. Отмѣченные выводы г. Вишневскаго вполне достаточны для нужнаго намъ заключенія. Заключение это просто: въ статьѣ, поучающей руководителей и лекторовъ учительскихъ курсовъ, проводятся взгляды очень странные. Выступать съ такими взглядами въ печати можно только при крайне недостаточномъ распространеніи среди читающей публики скольконибудь научныхъ свѣдѣній по основнымъ вопросамъ обученія. При анархіи, царящей тутъ, каждый глубокомысленно можетъ изрекать истины очень странныя, не краснѣя и даже въ надеждѣ быть услышаннымъ.

Что касается руководителей курсовъ, то на основаніи уроковъ, преподаваемыхъ имъ г. Вишневскимъ, мы думаемъ, что они дѣйствовали лучше и разумнѣе, чѣмъ еслибы они дѣйствовали по рецептамъ г. Вишневскаго. Отсутствіе „трогательнаго единогласія“ въ программахъ чтеній по разнымъ

вопросамъ церковно-школьнаго дѣла не только не признакъ того, что курсы не всегда достигали своей цѣли, но, напротивъ, есть именно показатель, что въ общемъ дѣло шло не дурно. Лекторы дѣлали, очевидно, удареніе на тѣхъ вопросахъ, которые они уяснили себѣ хорошо раньше. Нельзя же вѣдь представлять себѣ преподавателей дидактики (конечно, они больше читали на курсахъ) всезнайками, которые способны по первому требованію выступить на кафедре предъ сотней учителей и учительницъ съ чтеніями по вопросамъ, заданнымъ начальствомъ. Разумѣется, отъ нихъ можно „требовать“. Но тогда получились бы результаты плачевные.

Не думаемъ мы однако, что вездѣ на курсахъ дѣло прошло гладко. И нельзя этого ожидать: на мѣстахъ нѣтъ почти, какъ нѣтъ ихъ и въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, лицъ, научно подготовленныхъ къ веденію дѣла на курсахъ. Большинство лекторовъ курсовъ добивается многого своими усиліями. Но есть, конечно, и такіе лекторы, которые сами не въ состояніи добиться до чего-либо путнаго. Мы расскажем поучительную исторію курсовъ прошлаго и текущаго годовъ въ Таврической епархіи. Учителя и учительницы церковно-приходскихъ школъ здѣсь были раздѣлены на двѣ группы: одни приглашались на курсы въ 1897 г., а другіе въ 1898 г. Въ 1897 г. читателемъ на курсахъ былъ мѣстный епархіальный наблюдатель священникъ Бѣлковъ. Намъ лично о. Бѣлковъ извѣстенъ своими плохенькими статейками по вопросамъ церковно-школьнаго дѣла, печатавшимися въ „Церковно-приходской школѣ“, а потомъ перепечатанными подъ громкимъ заглавіемъ „Приходскій священникъ и школа“. Заранѣе можно было сказать, что успѣхъ курсовъ при такомъ лекторѣ не будетъ обезпеченъ. И дѣйствительно, „главное вниманіе лектора было обращено на разъясненіе нѣкоторыхъ частныхъ пріемовъ, употребленіе которыхъ должно будтобы особенно содѣйствовать успѣшности обученія и тѣмъ облегчать прохожденіе положеннаго программами курса церковно-приходской школы въ теченіе двухъ лѣтъ“. (Нар. Обр. 98, кн. VI, стр. 69). Приведенная аттестація лекторства о. Бѣлкова слишкомъ глуха. Но о. Бѣлковъ самъ даетъ намъ возможность обстоятельнѣе вникнуть въ суть его таинственныхъ „пріемовъ“. Въ томъ-же 1897 г., когда онъ выступалъ на курсахъ, о. Бѣлковъ издалъ брошюру въ 34 страницы по

обычаю съ пышнымъ заглавіемъ „Руководство церковно-приходскимъ школамъ“. Этой брошюры мы не имѣемъ подъ руками, но довольствуемся обстоятельными выдержками изъ нея, приведенными въ отзывѣ о ней, который помѣщенъ въ „Народномъ Образованіи“ за іюль 1897 г., стр. 89—93) Эта брошюра, судя по ея содержанію, есть изложеніе именно тѣхъ „пріемовъ“, которые о. Бѣлковъ рекомендовалъ учителямъ на курсахъ 1897 г. Въ предисловіи къ этой брошюрѣ прелестна напр. слѣдующая мысль: „чтобы дѣти, не только прошедшія цѣлый курсъ церковно-приходской школы, но и проучившіяся въ ней съ годъ и даже менѣе, получили твердые наклоны къ доброй христіанской жизни въ семьѣ, обществѣ и церкви, да и усвоили, насколько возможно, правильную грамотность, для этого—очевидно—нужно указать прямое и опредѣленное средство“. Читатель чувствуетъ изъ этого, что о. Бѣлковъ угрожаетъ изобрѣтеніемъ. И дѣйствительно, озабоченный частою смѣною учителей церковно-приходскихъ школъ, о. Бѣлковъ вознамѣрился „изобрѣсть нѣчто такое, что помогло бы учителю, хотя бы онъ былъ имъ и нѣсколько только мѣсяцевъ,—все таки быть настоящимъ учителемъ, т. е. въ эти нѣсколько мѣсяцевъ имѣть возможность сообщить учащимся тѣ знанія и умѣнья, какія въ этотъ періодъ времени желательно. Иными словами—требуется изобрѣсть такое средство, которое бы давало возможность рѣшительно всякой школѣ, не смотря на частную смѣну въ ней учащихся, все таки не отставать въ учебно-воспитательномъ отношеніи отъ всякой порядочной школы... Такимъ средствомъ можетъ служить подробно разработанный и приблизительно распределенный по извѣстнымъ періодамъ времени планъ учебнаго матеріала преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ. Такъ что на какомъ пунктѣ плана оставилъ бы школу учитель, въ случаѣ оставленія имъ учительскаго мѣста,—съ этаго пункта и продолжалъ бы дѣло новый его замѣститель, кто бы онъ ни былъ—даже временно кто-либо изъ членовъ причта. Пользуясь такимъ планомъ, самый неумѣлый учитель сразу ориентировался бы въ своей дѣятельности и не путался бы въ ней, такъ сказать ощупью, а сразу видѣлъ бы, что ему нужно дѣлать въ данное время по тому или другому предмету, и въ какое приблизительно время совершить данное дѣло“. Эту мысль о. Бѣлковъ, какъ

свое избрѣненіе, повторяетъ настойчиво нѣсколько разъ. „Каждому учителю при вступленіи въ школу всего важнѣе знать: что онъ долженъ дѣлать *вотъ сію минуту* по тому или другому предмету, что дѣлать затѣмъ и т. д. чѣмъ владѣть запасомъ, хотя и прекрасныхъ, но всетаки общихъ и отвлеченныхъ свѣдѣній о способахъ и приемахъ обученія“. Но посмотримъ, что-же предлагаетъ о. Бѣлковъ на мѣсто зачеркнутой имъ методики. Въ его „Руководствѣ“ два отдѣла: „общія требованія“ и „обученіе“. Въ числѣ „общихъ требованій“ самое лучшее слѣдующее: „при посѣщеніи школы наблюдателями учащіе никоимъ образомъ не должны вступать въ разсужденія по поводу сдѣланныхъ наблюдателями указаній, а принимать всякія указанія, совѣты и замѣчанія къ свѣдѣнію и исполненію“. Во 2-мъ отдѣлѣ „Руководства“ дается планъ учебнаго матеріала по русскому языку и ариѳметикѣ. Обученіе ариѳметикѣ распредѣляется авторомъ такимъ образомъ: 1-й мѣсяцъ; 2-й мѣсяцъ; третій мѣсяцъ; второе полугодіе. Второй годъ; первые 1¹/₂ мѣсяца, вторая четверть года; второе полугодіе. Распредѣленіе обученія русской грамотѣ въ томъ же родѣ. Вотъ и весь знаменитый планъ, владѣть которымъ для учителя важнѣе, чѣмъ располагать „свѣдѣніями о способахъ и приемахъ обученія“. При изложеніи этого плана о. Бѣлкову, конечно, трудно было удержаться отъ наставленій и разъясненій. Эти разъясненія иногда удивительны. Въ качествѣ примѣра на употребленіе двоеточія онъ предлагаетъ такую фразу: „я купилъ: карандашъ, линейку, ручку“. Рецензентъ брошюры о. Бѣлкова кончаетъ свой разборъ справедливымъ заключеніемъ, что вся она представляетъ собою „цѣлый рядъ вопіющихъ нарушеній самыхъ элементарныхъ требованій дидактики, отличающихся въ авторѣ недостатокъ тѣхъ „общихъ и отвлеченныхъ свѣдѣній о способахъ и приемахъ обученія“, запасомъ которыхъ онъ коритъ учителей“.

Прежде чѣмъ сдѣлать нужный намъ выводъ изъ приключеній о. Бѣликова, посмотримъ, каково было продолженіе этихъ приключеній на мѣстѣ. Какъ сказано, въ 1897 г. на курсы въ Симферополь была приглашена только одна половина учителей церковно-приходскихъ школъ. Другая должна была собраться минувшимъ лѣтомъ. Послѣ того, какъ о. Бѣлковъ прославился съ своимъ „Руководствомъ“, ему

было уже неудобно выступать на курсахъ вторично. Гдѣ же было взять лекторовъ? Преподаватель дидактики въ мѣстной семинаріи почему-то уклонился. Курсы однако должны были состояться. И вотъ устроители курсовъ рѣшаются на шагъ, который по меньшей мѣрѣ удивителенъ. Они пригласили учителя церковно-приходской школы при духовной семинаріи, получившаго образованіе въ учительской семинаріи, читать методику ариѳметики, и учителя Алуштинской церковно-приходской школы, кажется, бывшаго въ учительскомъ институтѣ, читать методику обученія грамотѣ. Это значить шутить въ самомъ нешуточномъ дѣлѣ. На скамьяхъ въ качествѣ слушателей сидѣли между прочимъ и студенты семинарій, а преподавалъ методику ариѳметики чловѣкъ съ *низшимъ образованіемъ!* Оба лектора намъ лично извѣстны. Оба они порядочные учителя, но и только. Ихъ самихъ надо учить многому, а не пускать на кафедру. Легко вообразить, что это были за курсы. О. Бѣлковъ въ 1897 г. не могъ научить многому, а въ 1898 г. дѣло должно было и совсѣмъ свестись къ результатамъ очень прискорбнымъ.

Таковы факты. Выводы изъ нихъ очень поучительны. При отсутствіи кафедры дидактики въ академіяхъ лица, которыхъ судьба связываетъ съ церковно-школьнымъ дѣломъ, бродятъ въ потемкахъ относительно самыхъ элементарныхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ необходимо въ ихъ новомъ положеніи, бродятъ и спотыкаются, ушибаютъ себя и вредятъ дѣлу. Можно быть увѣреннымъ, что при существованіи кафедры дидактики въ академіи случай съ о. Бѣлковымъ былъ бы у насъ невозможенъ. При существованіи контингента лицъ, научно знакомыхъ съ дѣломъ обученія, возможенъ былъ бы выборъ при назначеніи на такія отвѣтственныя должности, какъ должность епархіальнаго наблюдателя. Въ крайнемъ случаѣ о. Бѣлковъ, еслибы слушалъ дидактику въ академіи, то подумалъ бы, прежде чѣмъ печатать свое „Руководство“ и выступать въ качествѣ лектора на учительскихъ курсахъ. Случай съ Симферопольскими курсами любопытенъ и съ другой стороны. Отыскивая лекторовъ для 1898 г., устроители курсовъ считаютъ возможнымъ остановить свое вниманіе на лицахъ, изъ которыхъ одинъ вышелъ изъ низшаго учебнаго заведенія, а другой, хотя и былъ въ учительскомъ институтѣ, но благодаря почти двадцати-

лѣтней службѣ въ глуши, могъ предложить только скромныя обобщенія своего личнаго опыта. Одна возможность такого случая говорить за то, что устроители курсовъ были не въ состояніи судить о важности того дѣла, которое они устраивали, не въ состояніи потому, что дидактика для нихъ пустяковая наука. Вотъ это высококомѣрное отношеніе къ ней и сказалось въ приглашеніи такихъ лекторовъ. А слушай устроители курсовъ дидактику въ академіи, они задумались бы возводить въ учителей лицъ, которымъ прилично было бы быть только учениками.

Мы можемъ кончить и надѣмся, что читатель скажетъ съ нами „да“ на вопросъ, стоящій въ заглавіи этой статьи. У насъ нѣтъ ни дидактической литературы, ни научно подготовленныхъ лицъ, компетентныхъ въ важнѣйшихъ вопросахъ школьнаго дѣла. Все эти вопросы рѣшаются на практикѣ на основаніи „простыхъ соображеній здраваго разума“. А эти „простыя соображенія“ вели, ведутъ и будутъ вести къ такимъ прискорбнымъ казусамъ, которые разыгрались въ Симферополѣ. Да вѣдь, пожалуй, и не одинъ Симферополь очутился въ такомъ положеніи.

Въ заключеніе не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести одно очень компетентное подкрѣпленіе въ пользу нашихъ соображеній. Когда мы кончали статью, въ газетахъ появился чрезвычайно симпатичный циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ, затрогивающій ту же больную тему, которой посвящена и наша статья. Вотъ нѣсколько золотыхъ словъ этого циркуляра, для насъ важныхъ: „по общему признанію, однимъ изъ главныхъ недостатковъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія нужно считать то, что начинающіе преподаватели ихъ приступаютъ къ своему трудному и отвѣтственному дѣлу безъ всякой спеціально педагогической подготовки. Вслѣдствіе этого, они въ первые годы своей дѣятельности производятъ опыты не всегда удачныя съ своими учениками, причемъ пріобрѣтенныя такимъ путемъ педагогическіе пріемы пропадаютъ безъ пользы для слѣдующихъ за ними молодыхъ преподавателей. Съ другой стороны, отсутствіе подготовительной педагогической школы лишаетъ учебное начальство возможности выяснить своевременно, кто изъ кандидатовъ на учительскія должности

не обладает достаточными способностями къ преподавательской дѣятельности, требующей особыхъ дарованій. Между тѣмъ преподаватели безъ необходимой подготовки, а иногда и безъ надлежащихъ педагогическихъ способностей, въ значительной мѣрѣ затрудняютъ прохожденіе учениками курса учебныхъ заведеній и ослабляютъ благотворное вліяніе на нихъ школы, вызывая справедливыя сѣтованія родителей“...

Въ циркулярѣ идетъ рѣчь объ ученикахъ среднихъ учебныхъ заведеній, а не низшихъ, но это только удваиваетъ для насъ значеніе соображеній циркуляра. Можно считать не требующею доказательствъ мысль, что чѣмъ малолѣтнѣе ученики, тѣмъ большее искусство требуется отъ учителя. Если средняя школа страдаетъ отъ педагогической неподготовленности учительскаго персонала, то о страданіяхъ школы низшей и говорить нечего... Тутъ даже сами учителя не имѣютъ надлежаще подготовленныхъ руководителей.

Циркуляръ г. Министра Народнаго Просвѣщенія даетъ намъ поводъ указать на необходимость кафедры дидактики при академіяхъ еще и съ другой стороны, которая первоначально не имѣлась нами въ виду. Министерство беспокоится о своихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ „по общему признанію“ не все благополучно. Но вѣдь и духовное вѣдомство не имѣетъ основаній быть болѣе покойнымъ. Наши духовныя училища и семинаріи тоже вѣдь снабжаются не специалистами по педагогической части. Наши ученики страдаютъ отъ этого не меньше, чѣмъ питомцы учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія. Не обращаясь къ статистикѣ, я попрошу только читателя припомнить цифру учившихся съ нимъ въ первомъ классѣ духовнаго училища и цифру окончившихъ съ нимъ курсъ въ семинаріи изъ того же училища. Надѣюсь, что разница окажется не менѣе 50%. И кто разсчитаетъ, сколько изъ другихъ 50% выброшено за двери школы по малоспособности учениковъ и по недостаточной педагогической неподготовленности учителей.

Разумѣется, духовному вѣдомству трудно мечтать объ особыхъ школахъ, гдѣ бы кандидаты на учительскія мѣста въ семинаріяхъ и училищахъ получали педагогическую подготовку. Эти особыя школы до поры до времени могутъ быть замѣнены надлежаще обставленными кафедрами дидактики

при академіяхъ. Такая замѣна тѣмъ возможнѣе, что курсъ напр. двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ по объему очень мало отличается отъ курса духовныхъ училищъ. А вѣдь именно обращеніе съ питомцами этихъ училищъ требуетъ отъ учительскаго персонала наибольшаго педагогическаго такта и дидактическихъ умѣній.

Въ какой же обстановкѣ желательно бы видѣть кафедру дидактики при академіяхъ, если ей суждено быть открытой? Во-первыхъ необходимо, чтобы преподаваніе дидактики здѣсь не поручалось профессору, занятому уже другимъ предметомъ. Ближайшимъ образомъ, конечно, это порученіе могло бы быть возложено на профессора пастырскаго богословія и педагогики. Но сдѣлать это значить заранѣе обречь все дѣло на неудачу. Конечно, профессору педагогики весьма близка дидактика; но ему не менѣе близко и пастырское богословіе, которое въ своихъ принципахъ телеологическихъ, антропологическихъ и методологическихъ сливается до неразличимости съ педагогикой. Для профессора педагогики необходима и психологія и др. науки. Такая тѣсная связь не можетъ же вести къ совмѣщенію преподаванія ихъ въ однихъ рукахъ. Есть и опытъ подобнаго совмѣщенія въ семинаріяхъ съ отрицательными результатами. Преподаватель философіи и психологіи преподаетъ и дидактику и завѣдуетъ образцовой школой. Въ концѣ концовъ онъ бросается во вѣ стороны и только бесплодно надрываетъ свои силы. Тоже должно быть и съ профессоромъ, который въ добавленіе къ своему предмету получилъ бы еще и дидактику. Съ другой стороны совершенно излишне было бы приглашать на кафедру дидактики какую-нибудь популярность. Наши академіи выпускаютъ такихъ хорошихъ работниковъ, что обходить ихъ было бы несправедливо и бесполезно для дѣла. Каждый курсъ можетъ дать нужнаго кандидата. Вопросъ только въ томъ, что бы предоставить ему и время и возможность расправить крылья. Такого времени и такой возможности, какъ извѣстно, пока не существуетъ для молодыхъ академическихъ преподавателей. Ихъ берутъ на кафедры безъ предварительной спеціальной подготовки и заставляютъ прямо же читать курсы, надъ которыми они надрываютъ энергію и навсегда калѣчатъ здоровье. Съ кандидатомъ на кафедру дидактики можно и должно поступить совершенно иначе.

Ему нужно дать времени больше, чѣмъ другимъ, уже потому, что онъ начнетъ изучать свою науку съ азавъ, если не считать этими азами обрывки дидактическихъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ въ семинаріи. Затѣмъ, ему будетъ труднѣе, чѣмъ другимъ, и вообще подвигаться впередъ въ виду полного отсутствія цѣнной русской литературы его предмета. Наконецъ, такъ какъ дидактика должна снабжать не только суммою извѣстныхъ знаній, но и суммою умѣній, то для кандидата на кафедрѣ этой науки неизбежны командировки въ самыхъ широкихъ размѣрахъ для ознакомленія съ постановкою дѣла въ лучшихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ у насъ въ Россіи и вездѣ за границей. Три года можно считать достаточнымъ временемъ, которое дастъ возможность молодому преподавателю дидактики выступить на кафедрѣ съ надлежащею смѣлостію.

При этой кафедрѣ, конечно, необходима школа двухклассная церковно-приходская, обставленная во всѣхъ отношеніяхъ по послѣднему слову педагогической науки и представленная въ полное и исключительное распоряженіе профессора дидактики.

Все это потребуетъ денегъ... Но деньги эти будутъ затрачены съ безусловной пользой. Духовное вѣдомство не можетъ останавливаться предъ затратами именно здѣсь, разъ оно нашло возможнымъ сразу ассигновать до 200,000 рублей на учительскіе курсы. Чтобы такія суммы тратились съ желаемою производительностію, для этого нельзя останавливаться предъ затратой сравнительно небольшой. Только сдѣлавъ эту затрату, можно будетъ сколько-нибудь успокоиться на счетъ того, что ближайшіе работники и руководители церковно-школьного дѣла—учителя дидактики въ семинаріяхъ, лекторы учительскихъ курсовъ, епархіальные наблюдатели церковно-приходскихъ школъ—будутъ въ состояніи чувствовать себя хозяевами своего положенія, а также питать надежду, что наша дидактическая и ученическая дѣтская литература начнутъ подниматься на подобающую имъ высоту.

Сергіевъ Посадъ 1898, 9 декабря.

И. Андреевъ.